

Марк Довлатов

Неутолимая

Сражаться

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марк Довлатов
Неутолимая страсть.
Секс-рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56342830

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05329-8

Аннотация

Как долго в отношениях может сохраниться физическое влечение, вспыхивающее порой пламенем неистовой страсти, и что нужно, чтобы огонь этот не угас – об этом вы узнаете из новых рассказов об эротических экспериментах Майкла Д. Фарисеям и филистерам читать строго запрещено. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Фаллический символ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фаллический символ

Мы выбираем не случайно друг друга...

Мы встречаем только тех,

кто уже существует в нашем подсознании.

(Зигмунд Фрейд)

Солнце ласково заглядывало в окно, слышался птичий щебет, курлыканье голубей и важное карканье ворон. Михаил Дуридомов пил кофе на кухне и по-быстрому просматривал статистику своего сайта. Из большой кастрюли на полу доносился пряный запах замаринованного свиного ошейка: черный и красный перец, лук, лавровый лист и белое сухое вино создавали неповторимый аромат. Одет он был в старые обрезанные выше колена джинсы и черную футболку с высунутым красным языком, на ремне уже висел его любимый охотничий «Solingen» с рукояткой из оленьего рога. Главврач больницы, в которой работала Бэла, решил для сплочения коллектива устроить маевку и вывезти всех на шашлыки. Встретиться договорились прямо на берегу Змейки. *Пора Бельчонка будить, да и ехать, пока туда толпа не набежала.*

Михаил прошел в спальню: пурпурные отсветы солнечного света укрывали обнаженные плечи рыжеволосой девушки,

которая спала на правом боку, положив ладошки под щеку. Сколько раз ты вот так на нее смотрел, а насмотреться не можешь. Она похожа на полевой цветок, покрытый росой на восходе солнца. Так хочется забуриться носом в ее волосы, услышать родной запах... Лучшие этого ничего нет: не замутившая ничем радость нового дня, в котором будет и она... А когда-то... Когда-то ведь ее не было в твоей жизни, и утро начиналось у тебя с дурацкой надежды, что кто-нибудь написал тебе сообщение ВКонтакте. А никто особо и не писал, и ты шел на свою никчемную работу, зарабатывал копейки, возвращался домой к компу, в котором так и не было ничего нового, ел сосиски или жарил яичницу, сидел в сети, ожидая чуда: какая-нибудь девчонка написала тебе «привет давай дружить». А Белка жила в твоём подъезде, вы и встречались часто по вечерам, но она была младше тебя на пять лет, и ты воспринимал ее как обычную дворовую пацанку с грязными коленками, и не заметил, что она уже расцвела, бутон ее налился соком жизни и что она подает тебе недвусмысленные знаки, которые ты не мог расшифровать по своей дуридомской простоте.

А потом... Потом все изменилось. Однажды ты ее увидел. Помог тебе в этом дождь, намочивший ее топ и проявивший соски, и ты смог наконец сказать ей, что она красивая, и она пошла с тобой, и с тех пор вы живете вместе. Жизнь твоя стала совсем другая, да и ты сам стал другой: придумал себе дело, и теперь пол-Мухоморска – клиенты

твоего сайта. Бизнес твой пошел в гору, стал приносить хорошие деньги и удовлетворение, ты успокоился, но ощущение озарения от пойманной жар-птицы не ушло, оно часто возникает в тебе – вот как сейчас.

Михаил опустился на колени возле кровати и поцеловал девушку в плечо, потянул одеяло вниз; она повернулась, потянулась и потеряла глаза.

– Ой, Мишка, мне такой сон приснился!

– Какой.

Он опустил левую руку по животу Белки и добрался до бедра, продвинул ладонь между ляжками и тихонько их раздвинул, пальцы ощутили приятную влажность утреннего цветка.

– Я маленькая... и бегу по какому-то лугу... цветы кругом...

– И ты голая.

– Ну нет! Я в платичке.

Его губы поймали левый сосок девушки, втянули в себя, а зубы задрожали как у мявчащего кота, увидевшего птицу.

– И вот я так бегу... бегу... навстречу солнцу... Ой, ну что ты делаешь.

– И тут выпрыгивают пираты. И утаскивают маленькую девочку...

– Ну не было там никаких пиратов!

– А кто был.

– Никого не было. Но я знала, что если добегу до солн-

ца, то там увижу... Ну сильней чуть вниз. Ну дай мне гу-бы, Мишка. Господи, как мне было хорошо! И сейчас... и... сильней... всёооооооооооо!!!

Белка вскрикнула, сжалась, дернулась всем телом и перевернулась на бок, а Михаил целовал ее между лопаток и ниже по позвоночнику, целовал ее розовую сочную попку, перевернул к себе и раздвинул ноги, провел ладонью по мокрым ляжкам.

– И чем там сон кончился.

– А ничем не кончился. Ты меня разбудил.

– И о чем же был сон.

– Как о чем. О счастье. Так тепло на душе. До сих пор.

– Пора вставать, маленькая.

– А ну встань. О, а чего это твой пиратище торчит так.

– Работа у него такая. Пиратская.

Белка расстегнула zipper и выпустила член на волю, он завибрировал и гордо вскинул голову. Она отодвинула шкурку назад, тронула ногтем отверстие, член дернулся.

– А чего это ты с ножом по дому ходишь, Мишка.

– А как же пирату без ножа. Никак нельзя. Мы же на пикник собирались.

– О господи, точно!

Белка осторожно вытащила нож из ножен, приложила плашмя холодную сталь к головке и стала потихоньку двигать.

– Страшно тебе?

– Еще как.

– А чего же он торчит?

– Страх гонит в кровь адреналин, она начинает быстрее бегать. И туда тоже.

Девушка приложила левой рукой нож тупым концом лезвия снизу к мошонке, а правой задвигала шкурку члена, зажав его в кулаке, глаза ее поднялись и впились в глаза Михаила.

– Гонит?

– Уууух, Белка, блин...

Белка осторожно опустила нож, отбросила его вправо на кровать, двумя руками сильно сжала член и направила себе на грудь, потом резко убрала обе руки: член заработал как пожарный брандспойт, поливая розовые холмики опаловой жидкостью.

– Видишь, какое ты мне ожерелье подарил. Сильно было?

– Ох и сильно!

– С тебя бонус.

– Какой ты хочешь.

– Будешь меня на руках носить целый день.

– Ладно, договорились.

– Я в душ. Вари мне кофе.

Михаил собирал в полиэтиленовый пакет помидоры, огурцы, кетчуп чили, достал из холодильника пару упаковок пива и бутылку красного вина. Вошла Белка, на ней была ко-

роткая джинсовая юбка и желтая маечка с подмигивающим смайликом, на шее виднелась малиновая полоска от купальника, волосы ее были собраны на затылке в хвост.

– Ты что это за купальник надела? Это тот, где вместо плавок одна тесемочка на попе?

– Ну Мишка!

– Давай бегом меняй! Вячеслав Иваныча голой попой соблазнять собралась?

– Изверг! Пиратище противный!

– Давай-давай. А то останешься дома борщ варить. А я поеду девчонкам шашлыки жарить.

Девушка мотнула хвостом и ушла, Михаил закурил. *Вот никак из нее это не вытравить. А в Ницце сначала стеснялась топлес на пляже ходить. Потом, правда, привыкла. Как-то чудно в ней сочетается стыдливость и желание нравиться всем подряд. Может, это чисто природное. Или ты хочешь, чтобы она превратилась в клушу в байковом халате. Ты же сам покупал ей платья, в которых она выглядела более возбуждительно, чем если бы была просто голой, сам ее подталкивал к этому. Ну покупал. А теперь ты себя чувствуешь системой ПВО – только успевай ракеты выпускать по разным стервятникам, нарушителям границ. Вот скажи честно, если бы ее можно было перепрограммировать в компе, ты бы это из нее убрал? Нет, Майкл, не убрал. Может быть, это постоянное состояние «на боевом дежурстве на страже родины» и дает тебе почти непре-*

рывное возбуждение, не дает угаснуть огню твоего желания. Может, товарищ майор, хрен его знает.

Вернулась Белка, полоска на шее была уже зеленая.

– Где мой бутерброд? И кофе.

– Щас будет. Сей момент, графиня.

Михаил нажал кнопку на кофеварке и запустил микроволновку и через пять минут с удовольствием смотрел, как его девочка уписывает за обе щеки батон с расплавленным сыром, запивая его кофе.

– На тебе поедем?

– Ну уж наверно не на «Мустанге». Еще застрянет там.

– Жаль.

– Да его же все уже давно видели.

– Все равно приятно. Прокатиться с ветерком.

– Ты что, моего коника не любишь?

– Твоего коника я люблю. А ты свою лошадку?

– А моя лошадка вообще самая классная. Рыжегривый мустанг.

– Как я выгляжу?

– Сразишь всех наповал.

– Вот льстюн ты подхалимский. Поехали уже.

Михаил загрузил кастрюлю и пакеты в багажник своего темно-синего Х5, уселся за руль, Белка села справа, коник резво вырулил со стоянки.

На берегу Змейки было какое-то подобие пляжа, куда

съезжались поваляться на песочке простые мухосранцы, но решено было отправиться на пару километров дальше, где была небольшая поляна, тихая заводь с камышами – туда пешком никто не заходил.

Михаил припарковал машину в тени рядом с весело-салатовой «Фиестой», вышел и потянулся: четыре человека уже бродили по полянке.

– Привет, Маринка, здоров, Колян, привет, девчонки.

Были еще две девушки, имен которых он не знал, хотя видел их в больнице не раз. Маринка была невысокой черноволосой стройной девушкой, подружкой Белки, а Николай – ее мужем. Михаил с некоторым подобием стыда вспомнил их свадьбу, где Белка была свидетельницей, а он устроил мордобой из-за пошлых игр, в которых ей пришлось участвовать. Николая с тех пор он почти и не видел, а Маринку встречал часто, когда заезжал в больницу; между ними существовала тонкая невидимая интимная паутинка: он перед свадьбой ночью чистил комп Вячеслава Ивановича, в котором были фото Марины, мягко выражаясь, не совсем одетой. Он их даже сохранил себе и сейчас мог отчетливо представить, какая бы она была, если бы совсем сняла купальник; это его немного возбуждало, хотя ни о каком флирте речь никогда не шла – все знали, что она и после свадьбы осталась с Вячеславом.

Чтобы загладить легкое чувство вины, Михаил достал из багажника пару банок пива.

– По пивчику, Колян?

– Ну давай.

Они крякнули ушками банок и закурили. Белка ушла здороваться с девчонками, потом достала клеенчатую скатерть, расстелила ее под кустом, достала пластмассовую посуду и прочий мелкий скарб.

– Ну что, пора костерчик организовать. Пошли за дровами.

Михаил отправился в лес и почти сразу набрел на здоровенную сухую ветку, приволок ее на поляну, поломал руками-ногами и принялся разводить костер. На опушке лежали два бревна со старым кострищем, там даже были металлические штыри и перекладины для шампуров. Он сложил ветки домиком, добавил щепок и сухой травы; огонь запылал, а он снова двинул в лес.

Лес он любил, хоть и выбирался сюда не часто. Звуки и запахи набросились на него: кукушка начала гадать ему долгую жизнь, дикие голуби перекликались между собой, мелкие пичужки чирикали, радуясь жизни; смоляной запах сосен напомнил ему взморье на Крите, пальцы его срывали листья полыни и подносили к носу. Он находил сухие ветки, бросал на тропинку, чтобы забрать их на обратном пути, и брел дальше, пока тропа не вывела его к берегу реки. Он присел на корточки, закурил и стал бросать кусочки коры в воду, покой и тихая радость наполнили его душу.

Жизнь – это всего лишь круги на воде от брошенного бо-

гом камня. А мы суеتمدся, мечемся, хотим что-то в ней изменить. Такая все это суета. Вот ползет божья коровка, и нет ей дела до всех наших любовей и ненавистей, радостей и печалей. Лети себе на небо, там твои дети.

Михаил вытащил нож, срезал ветку орешника и стал ее строгать, затачивая конец. Эх, такой бы тебе ножик в детстве, когда ты делал рогатки, шпаги и мечи. И почему многие вещи становятся нам доступны, когда уже почти нас не радуют. Двадцать лет назад ты бы полжизни отдал за него. Три года назад ты купил бимер и радовался как ребенок, а сейчас просто едешь на нем в лес – просто хорошая удобная тачка. Ладно, идем назад, а то огонь погаснет. Костер ведь тебя еще радует. Это всегда. И Белка. Да.

Михаил поднялся, метнул свой дротик в чашу и двинулся обратно, подбирая на ходу ветки.

На поляне уже прибавилось людей, Михаил сбросил ветки у бревен, подбросил в костер и подошел к Белке. Она уже была в купальнике, рядом стояли несколько ее сослуживцев, он приобнял ее правой рукой за талию и прижал к своему бедру, обозначая собственность. Девушка на момент положила ему голову на плечо, потом потянула вверх края его майки.

– Снимай, уже жарко, Мишунчик.

Он стянул через голову футболку, но шорты снимать не стал, чтобы не привлекать внимание к легкому вздутию в паху. Обмен приветствиями закончился, раздался шум мотора,

и на поляну въехал серебристый «Land Cruiser». Из него вышел мужчина с вислыми усами и солидным животом в шортах бермудах и гавайской рубашке навыпуск – это был Вячеслав Иванович, главврач мухосранской районной больницы. Он обошел машину и открыл правую дверцу, из которой выплыла плотная женщина лет сорока со смоляными черными волосами. Ее летнее цветастое платье на пуговицах позволяло заметить округлую грудь, меж холмами которой поблескивал гранатовый крестик – Анна Сергеевна, заведующая терапевтическим отделением, была в темных очках.

– Да уже все и в сборе! Молодцы! Только мы опаздываем. Ну да нам простительно по старости. Это я про себя, Анна Сергеевна. А шашлыки как?

На поляне возникло всеобщее движение, Михаил отправился к костру, поворошил уже почти прогоревшие ветки, присел на корточки и закурил. Поляна была усеяна пледами, люди расположились кто-где, лежали, сидели, болтали, рассказывали анекдоты, пили пиво, кто-то включил музыку; солнце светило, девушки все были в купальниках, а парни по большей части в купальных шортах, хотя не купался никто – вода была еще прохладной.

Анна Сергеевна нашла место для пледа, положила на него сумку и стала расстегивать платье. Голова ее была повернута в сторону костра, хотя за очками Михаил не мог разглядеть, смотрит ли она на него. Он же на нее смотрел исподлобья, узнавая ее роскошные формы под леопардовой расцвет-

ки закрытым купальником. Она играла в его жизни странную роль: знакомы они были давно, их тянуло друг к другу физически, Анна Сергеевна много раз пыталась его соблазнить, а он всячески сопротивлялся, хотя знал, что она, как всякая женщина, чувствует его желание; ее поведение не было агрессивным, и все это в конце концов вылилось в какую-то странную почти дружбу: она много раз гасила его ревность, когда Белка крутила хвостом, успокаивала его и возвращала ему уверенность в себе; он был благодарен ей как матери, хотя чувствовал, что все это слегка отдает инцестом.

Михаил подошел к группе, где была Белка, потерся носом о ее плечо, она чмокнула его в ухо.

– Пошел я шашлыки жарить.

– Та давно пора! Народ к разврату готов! Уже изнашивает.

– Так вы тут погромсайте все, разложите. Полчаса, и будет вам пир Валтасара.

– Кого-кого?

– Да был такой царь вавилонский. Картина есть у Рембрандта. Про пир.

– Ты помнишь, что ты мне обещал окончить университет?

– Помню-помню.

– Так что там царь твой.

– Да он так долго пировал, что не заметил приближения персов. Это как раз символ...

– А у Надюшки вон такой красивый перс есть!

– Все в тему. Пошел я.

Михаил принес к костру кастрюлю с мясом, достал из багажника шампура и бутылку воды и стал нанизывать мясо. Сок капал в огонь, шкварчал, от костра поднимался дым, который боги Олимпа вполне могли принять за жертвоприношение. К костру подошла Анна Сергеевна.

– Здравствуйте, Миша.

– Здравствуйте, Анна Сергеевна. Вы в этих очках прям как Джина Лоллобриджида.

– Спасибо. А Вы будете Фанфаном-Тюльпаном?

– В детстве был. Сабли там... рубилово бывало ужасное.

Анна Сергеевна повела головой в сторону его ножа.

– Да Вы и сейчас... Вооружен и очень опасен.

– Ну, Вам-то опасаться точно нечего.

– А вот это и жаль.

Они смотрели друг другу в глаза, понимая все и без слов, зная чувства и мысли другого. Михаил первый отвел взгляд, который как магнитом притягивала грудь докторши. Когда-то она измеряла ему давление у себя в кабинете, и совершенно случайно, как казалось, левая ее грудь легла в его ладонь, пальцы его на мгновение рефлекторно сжались, а она не отодвинулась, ничего не сказала, только пригласила его домой на чай, и он, как привязанный верблюд, потащился за ней, и там... Чай был замечательный.

– Эх, горит наш шашлык!

– Поливайте скорей.

Михаил побрызгал водой из бутылки на мясо, опять под-

нялся дым, а он встал и замахал руками.

– Извините. Будете костром пахнуть.

– Это ничего. Это же Ваш костер.

– Анна Сергеевна... ну мы же договаривались.

– Такое Вы кольцо роскошное Бэле подарили. Свадьба скоро?

– Нет. Пусть доучится.

– Ей оно так нравится. Знаете, сидит на совещании, пальцы растопырит и вертит ладонью. И не слышит ничегошеньки!

– Правда?

– Да.

Такое простое известие почему-то теплом залило душу Михаила, он вспомнил тот вечер, шампанское в богемских бокалах, Белку с его членом в руке, жемчужные капли... и потом то фото в фейсбуке, уже без члена, но с бокалом, под которым она написала, что только что была Клеопатрой. *Интересно, догадался кто-нибудь, что было в том бокале? Ну, народ у нас простой, может, и не догадались. Но ты-то знаешь.* Какая-то мальчишеская бравада захлестнула его, он достал смартфон, открыл фейсбук и протянул женщине.

– Красиво. А зачем сейчас кольцо, если вы не собираетесь...

– Вы «Наполеоновский обоз» не читали?

– Рассказывали мне, что хороший роман, но я все никак не соберусь.

– Там герои любят друг друга, еще в школе... А потом он уезжает учиться в Питер... и совершенно места себе не находит. Он считает ее самой красивой. А она там одна осталась. И вот однажды он срывается, едет домой и устраивает венчание на скорую руку. Успокаивается и уезжает назад.

– Успокоило это Вас?

– Нуу... Я знаю, что человека изменить нельзя.

– Но Вы же знаете, что она Вас любит.

– Да знаю, знаю. Но иногда...

– Это нормально, Миша. Это абсолютно нормально, поверьте мне. Вы знаете, какое второе чувство появляется, когда человек осознает, что он влюблен?

– Какое.

– Тревога.

– Странно, по-моему.

– Ничего не странно. Страх потерять. Это всегда так – вслед за радостью от обретения. Если этого нет, то нет и любви.

– Ну, тогда...

– Да. На свадьбу пригласите?

– Всенепременно. Идемте.

Михаил собрал двумя руками шампура и понес их к ска-терти, там упер концы в миску и ножом поддвигал мясо вниз; народ заметно оживился, стал подтягиваться центру праздника с бутылками, захлопали пробки, бордовые струи устремились в пластиковые стаканы. Он отошел в сторону, достал

из пакета в воде несколько банок пива, притулил их на ска-
терти, открыл одну и с наслаждением глотнул янтарной жид-
кости. Со всех сторон неслось: «Ууу! Пальчики оближешь!
Язык проглотишь!». Белка принесла ему тарелку с кусочка-
ми мяса, огурцами и помидорами.

– Отпадно получилось! Такой ты у меня куховар, Мишка.
А я так редко тебя балую. Ешь сам-то.

– Ну, может, еще побалуешь как-нибудь.

– Ты про что?

– Про все.

– Вот ты развратный пиратище, – прошептала она ему в
ухо.

– А вино как?

– С мясом сухое чудесно просто. А так я люблю сладкое.
Меня тут девчонки «Изабеллой» угостили...

– Ну конечно, из твоих родовых виноградников.

– Мишка, ну чего ты у меня болтун такой? И за что я те-
бя, Дуридома, полюбила? Помнишь, как ты меня во дворе
все время подкалывал? «Рюмка водки на столе»... соленый
огурец предлагал... Лепса уже послушать нельзя.

– Так полюбила-таки ж?

– Да я тебя сто лет как полюбила. А ты все...

– Так надо было самой сказать. Или хоть подморгнуть.

– Ага. Я девушка скромная. И вдруг я тебе не нравилась.

– А ты помнишь, как мы с тобой в кино ходили? Еще до
того.

– Ну конечно. Ты мою ногу гладил. А я все ждала-ждала...

А ты... Дуридом совсем.

– Что-то ноги устали. Пошли посидим.

Михаил по ходу опустил тарелку на скатерть, взял салфетку, вытер руки и двинулся к берегу, чуть вправо от центра поляны. Там он опустился на траву, глотнул пива и закурил. Белка догнала его, уселась рядом и вытянула ноги к воде.

– Хороший сегодня день. Как на заказ.

– Так это я и заказал. А то мяса столько куда девать.

Белка провела ступней по голени Михаила, он глянул на нее и положил руку на ее бедро. Ладонь дошла до колена, ощутила его округлость, вернулась назад и переместилась на внутреннюю сторону, ласкала нежную кожу ляжек и как бы случайно трогала венерин холмик. Белка резко оглянулась, сжала ноги и убрала его руку.

– Ты же знаешь, что я могу утворить.

– И шишки сыпались с ветвей?

– Типа того.

– Так пошли вон за кустик.

– Ну ты что. Они же услышат.

– А ты тихонько.

– Ну странный ты, Мишка. Я в этот момент себя иногда совсем не контролирую. Особенно когда выпью. Хорошо, что мы не на «Мустанге» приехали.

– Так пошли тогда к людям. Хочешь еще вина?

– Ну пошли.

Людей стало как-то меньше: кто-то играл в бадминтон, кто-то в карты, а кто-то и просто загорал. Парни травили анекдоты, девчонки заливисто хохотали.

«Ученик пришел к раввину:

– Ребе! У меня есть желание жить вечно! Что делать?

– Женись!

– И что? Я буду жить вечно?

– Нет! Но желание скоро пройдет».

Анекдоты почему-то все подбирались на матримониальную тему.

«– Додик, шо там упало на кухне?!

– Ривочка, это не бунт, это случайно!»

– А вот еще послушайте:

«Во время праздника одна парочка уединилась в темной спальне. Шепот, шорохи, сдержанные крики, рыдания...

– Ах, Яша, почему же ты раньше не любил меня так страстно, как сегодня?! Наверное, потому, что сегодня праздник?

– Нет, наверное, это потому, что я – не Яша!»

«– Абраша, милый, что ты посоветуешь мне почитать?

– Сарочка! Почитай молитву, пока я дочитываю переписку в твоём телефоне!»

Михаил смеялся вместе со всеми и думал, сколько во всем этом простой житейской меткости. Недаром Фрейд написал свое «Остроумие и его отношение к бессознательному». Так иногда зацепит... до самого нутра. Мудрящий был ста-

рик. И Эдит его тот... и символы...

Он вынул нож, подбросил его, поймал за лезвие и со всего маха всадил в землю, вытащил, вытер о шорты и вернул в ножны.

– Пошли, Бельчонок, птиц послушаем.

– Ну пошли.

Они углубились в чащу, и минут через пять шум веселья на поляне затих, лес наполнил их уши своими звуками, шорохами, жужжанием и свистом. Михаил отодвигал ветки кустов рукой и придерживал их, останавливался, заслышав особо залиvistую трель, срывал травинки и жевал их, вспоминал, как в детстве он с друзьями читали затертые книжки Фенимора Купера и Джеймса Шульца в «Библиотеке приключений», а потом они играли в индейцев, делали луки, копья и стрелы, прикрепляли к затылку тесемкой найденное воронье перо и орали во все горло, изображая победный клич команчей; кому-то по считалке выпадала роль бледнолицего, и его привязывали к дереву, а сами вприпрыжку носились вокруг. Все они носили старые кеды и учились бесшумно двигаться по лесу, чтобы, внезапно выпрыгнув, схватить врага за горло и снять с него скаल्प. Нож у него тогда был перочинный, складной, он точил его об ступени и никогда с ним не расставался.

Деревья стали редеть, за ними проглянула Змейка, запах воды и мокрой зелени наполнил ноздри. Они дошли до берега реки, никого вокруг не было и даже следов человека не

было видно.

– Раздевайся, маленькая, походи голой, побудь дриадой.

Белка не стала спорить, сбросила босоножки, сняла купальник и примерила босые ступни к палой листве с молодыми зелеными побегами. Михаил достал смартфон, открыл камеру и пощелкал; стремление фотографировать Белку не утихало в нем, хотя у него были сотни ее фотографий, таким образом он как бы привязывал ее к себе – фото никуда не могло от него убежать и всегда было с ним.

– А давай на тебя нападут пираты, Бельчонок.

– И привяжут к пальме?

– Ну да. Они же всегда так делают.

– И надругаются над маленькой девочкой?

– А девочка не хочет?

– Да девочка давно хочет, а пираты все по лесу рыскают, грибы ищут.

– Ну иди сюда, побудь пленницей немножко.

У самого берега из одного корня в разные стороны росли три ствола ольхи, Белка стала между ними и подняла руки, ухватившись за горизонтальную ветку. Михаил вытащил из петель ремень, нож засунул в задний карман и захлестнул петлей запястья девушки, нетуго затянул и отошел назад.

– Приятно тебе, Мишка?

– Я себя ощущаю вождем краснокожих, который выкрал бледнолицую рыжую красавицу. И сейчас...

– Тю. Ты же был пират.

– Для пиратов ветер не попутный. Унес их бригантину в другую сторону.

– Ну ладно. А вождь меня мучить будет или сразу вы*бет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.